

ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК

ПАМЯТЬ

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

МОСКВА — 1976

НЬЮ ЙОРК — 1978

Коллектив авторов

**Исторический сборник «Память».
Исследования и материалы**

«НЛО»

Коллектив авторов

Исторический сборник «Память». Исследования и материалы /
Коллектив авторов — «НЛО»,

ISBN 978-5-4448-0865-8

В истории советского диссидентства исторический сборник «Память», пять выпусков которого вышли в 1976–1982 годах, занимает особое место. «Память» отличалась от других самиздатских и тамиздатских публикаций стремлением к научному, академическому и в то же время неподцензурному осмыслению прошлого. Фактически это была одна из первых попыток организовать в СССР независимое гуманитарное периодическое издание. В современной литературе, посвященной советскому диссидентскому движению, «Память» часто упоминается как важная веха в его истории. Однако настоящая книга является первым научным исследованием, посвященным непосредственно этому сборнику. Опираясь на неопубликованные материалы и интервью с участниками, авторы книги пытаются подробно описать, как возник замысел этого издания, воссоздать последовательность и механизм работы над каждым из пяти выпусков, а также проанализировать материалы сборника. Впервые определен круг авторов «Памяти», приведены данные об авторстве статей, названы источники публиковавшихся в сборнике воспоминаний и архивных материалов. В книгу также включены интервью с создателями «Памяти», проведенные в основном в 2013–2015 годах.

ISBN 978-5-4448-0865-8

© Коллектив авторов
© НЛО

Содержание

Общая признательность	6
Анна Комароми[1]	7
Часть I	10
Барбара Мартин	10
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Исторический сборник «Память».

Исследования и материалы

© Мартин Б., Свешников А., сост., коммент., 2017

© Авторы, переводчики, 2017

© ООО «Новое литературное обозрение», 2017

* * *

Общая признательность

Наше исследование, посвященное историческому сборнику «Память», стало возможным благодаря финансированию нескольких фондов. Барбара Мартин выражает признательность Швейцарскому национальному фонду поддержки науке (Swiss National Science Foundation) и немецкому Фонду «Цайт Штифтунг» (ZEIT-Stiftung Ebelin und Gerd Bucorius, в рамках программы «Trajectories of Change»); Антон Свешников – Германской службе академических обменов (Deutscher Akademischer Austauschdienst) и Научному фонду НИУ ВШЭ (работа проводилась в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5 – 100»). Во время работы над историей «Памяти» Барбара Мартин являлась аспирантом Женевского института Graduate Institute of International and Development Studies; работая над диссертацией о диссидентских историках послесталинского периода, она получила ценные советы от своего научного руководителя Андре Либиха.

Кроме того, мы благодарим Д.И. Зубарева, С.В. Дедюлина, А.Ю. Даниэля, А.Б. Рогинского, В.Н. Сажина и А.С. Коротаева за готовность участвовать в нашем проекте, за время, уделенное нам, и за редактирование собственных интервью. Особую признательность за неустанную помощь выражаем С.Д. Дедюлину, который предоставил нам документы, книги и написанные им материалы о «Памяти». Большую часть использованных нами архивных материалов мы собрали в Бременском архиве Forschungsstelle Osteuropa, с ценной помощью Марии Классен и Алеси Кананчук. Предоставили нам материалы о «Памяти» и архивисты программы «История инакомыслия в СССР» Алексей Макаров и Татьяна Бахмина, а также библиотекарь Борис Беленкин из общества «Международный Мемориал». Беседы с Г.Г. Суперфином, Г.В. Кузовкиным, М.Ю. Сорокиной и Жан-Филиппом Жаккаром, а также переписка с К.М. Поповским и с Б. Равдиным помогли нам лучше понять историю этого издания. Мы выражаем благодарность Анне Комароми (Торонто), поддержавшей наш проект. За расшифровку нескольких интервью благодарим также Марию Бурцеву. Особую благодарность хочется выразить издательству «Новое литературное обозрение» и лично Ирине Дмитриевне Прохоровой, без поддержки которой эта книга едва ли увидела бы свет.

Анна Комароми¹

Предисловие. Вспоминая «Память»

С момента своего основания неподцензурная серия исторических сборников «Память» (вып. 1 – 5, 1976 – 1981) являлась одним из наиболее интересных проектов самиздата. В свое время этой серии было уделено много внимания; она привлекает нас и по сей день. Благодаря Наталье Горбаневской и Владимиру Аллою – зарубежным представителям редакции – сборники «Память» были опубликованы на Западе и обрели довольно широкую аудиторию. В своей рецензии на первые выпуски историк Михаил Геллер напомнил западным читателям, насколько тенденциозный характер может носить советская историография. По его словам, на Первом Всесоюзном съезде советских писателей, который прошел в 1934 году, Максим Горький заявил: «Нам необходимо знать все, что было в прошлом, но не так, как об этом уже рассказано, а так, как все это освещается учением Маркса – Ленина – Сталина...²». Задачей «Памяти» являлось более объективное освещение недавнего прошлого. Стремясь к беспристрастности, редакторы критиковали представлявшие им тенденциозными взгляды на русскую историю в публикациях зарубежных исследователей. В последнем, пятом, выпуске американский историк Ричард Пайпс ответил на не слишком лестную рецензию на свою книгу «Россия при старом режиме» (1974), опубликованную в четвертом выпуске. Важна не столько суть полемики, сколько тот факт, что широко признанный и уважаемый на международной арене историк читал сборник «Память» и ответил его редакторам.

Однако, говоря о значимости этого издания, мы не должны ограничиваться только внешней оценкой: в нашем распоряжении находится достаточное количество четко сформулированных идей редакторов «Памяти». Серьезность и новаторство их устремлений хорошо прослеживаются в предисловии к первому выпуску. Помимо прочего, его авторы настаивают на принципе радикальной гласности: «Чтобы *понять* историю, надо держаться непреложного правила: нет и быть не может таких событий, таких явлений и процессов, таких человеческих судеб, которым не дано стать предметом внимания и изучения; нет таких фактов, которые кто-то вправе закрыть, утаить от “непосвященных”»³. Данный принцип и по сей день остается идеалом (то есть скорее целью, а не объективно существующей реальностью) для нашего общества.

Незадолго до создания «Памяти» вышел в свет «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына, вдохновивший основателей исторического сборника. Они стремились спасти от забвения имена и судьбы людей, а свой моральный долг – под влиянием прорывного исследования Солженицына – сформулировали так: «Редакция считает своим долгом спасти от забвения все обреченные ныне на гибель, на исчезновение исторические факты и имена, и прежде всего имена погибших, затравленных, оклеветанных, судьбы семей, разбитых или уничтоженных поголовно; а также имена тех, кто казнил, шельмовал, доносил»⁴.

Однако материалы, публиковавшиеся в «Памяти», не ограничивались ГУЛАГовской тематикой. На страницах сборника читатели находили сведения о малоизвестных подпольных группах советских оппозиционеров, о верующих, о социал-демократах, о монархистах и иных

¹ Анна Комароми из Торонтского университета, Канада, – автор книги «Uncensored: Samizdat Novels and the Quest for Autonomy in Soviet Dissidence» (Northwestern University Press, 2015) и ряда статей о самиздате. Кроме того, она составила онлайн-базу данных о самиздатской периодике (<https://samizdat.library.utoronto.ca>), которая в 2018 году должна появиться и в печатном виде под названием «Советская самиздатская периодика» (под общ. ред. Анны Комароми и Геннадия Кузовкина). – Прим. ред.

² Горький М. Собрание сочинений: В 30 т. М.: Гос. изд. художественной литературы, 1953. Т. 27. С. 333. Цитата из рецензии М. Геллера «Память и “Память”» (Вестник РСХД. 1979. № 128. С. 192.)

³ От редакции // Память. Исторический сборник. Вып. 1. Нью-Йорк: Хроника, 1978. С. V.

⁴ Там же. С. IX.

деятелях, существование которых полностью игнорировалось официальной советской прессой. Редакторы опирались на сведения из личных архивов, в том числе на письма, официальные документы, мемуары, а также на материалы ограниченного пользования из библиотечных фондов и из-за рубежа, передаваемые в их распоряжение друзьями. Создаваемая таким образом картина советского общества включала в себя гораздо более широкий диапазон мировоззрений, чем признаваемый в то время советскими официальными лицами. Оказывается, даже в период правления Сталина советские люди занимали гораздо более активную гражданскую позицию, чем это представлялось большинству наблюдателей. Редакторы «Памяти» с максимально возможной объективностью публиковали документы, полученные из достоверных источников. Результат их работы оказался поистине откровением. В настоящем исследовании упоминается реакция одной из читательниц сборника, А.Е. Тумановой, которая в 1950-х годах была членом одной из подпольных групп: «Странно складывается общественное мнение – выглядит так, что так называемое “диссидентское движение” и вообще сопротивление режиму в нашей стране началось только после смерти Сталина. Солженицын почти не упоминает о людях, которые попытались оказать сопротивление, – в его трех томах “Архипелага...” – одни жертвы. А ведь он знал о нашей группе»⁵. Редакторы «Памяти» полагали, что, несмотря на большую значимость «Архипелага ГУЛАГ», в нем присутствует некоторая тенденциозность, чего они сами стремились избегать. Отчасти эта тенденциозность была обусловлена тем, что, хотя Солженицын описал истории множества узников, он представлял их сквозь призму своего собственного видения.

Документы, публикуемые в «Памяти», носили самый разнообразный характер. Редакторы стремились проверять все факты и по мере возможности снабжать их комментариями, при этом интерпретация материала была минимальной, что отражало стремление создателей исторических сборников представлять информацию источников настолько объективно, насколько возможно.

Настоящее исследование существенно расширяет наше поле знаний о «Памяти». В нем, помимо прочего, рассказано о том, при каких обстоятельствах познакомились редакторы и как они работали над выпусками. Впервые дано полное освещение роли Ларисы Богораз в деятельности группы. Кроме того, большинство читателей также впервые узнают в подробностях о той помощи, которую оказывали старшие консультанты, в том числе М.Я. Гефтер, Д.М. Бацер и Я.С. Лурье.

В статье Барбары Мартин проект «Память» преподнесен в контексте альтернативной историографии позднего советского периода. Автор прослеживает отличительные черты сборника, основанного Арсением Рогинским, Сергеем Дедюлиным, Ларисой Богораз и Александром Даниэлем. Антон Свешников, в свою очередь, дает подробное описание личностей и событий, помогая проследить человеческие связи и взаимодействия, которые привели к рождению «Памяти» и к выпуску пяти томов сборника. Авторы настоящей работы тщательно исследовали самиздат и архивы, имеющие отношение к упомянутому сборнику (по большей части в Исследовательском центре Восточной Европы при Университете Бремена). Как и редакторы самой «Памяти», Мартин и Свешников сделали все возможное, чтобы сохранить объективность при презентации материалов, полученных из нескольких нетрадиционных источников, а также высказываний самих участников; многочисленные точки зрения сводятся воедино в нетенденциозной манере – в духе оригинального сборника. В результате удалось создать модель для изучения самиздатских изданий.

Значимость «Памяти» обусловлена новаторской работой по устранению пробелов в советской истории. Однако это далеко не все. Несмотря на высокий культурный и профессиональный уровень основателей издания, ни один из них не был профессиональным истори-

⁵ Письмо А.Е. Тумановой Н.Г. Горбаневской. 21.11.1983. Forschungsstelle Osteuropa (FSO. F. 24. Фонд Н.Е. Горбаневской).

ком. Они собирали, редактировали и публиковали документы, не обладая при этом практически никакими связями с крупными учреждениями, где создавалась и хранилась официальная советская история. Благодаря самиздату эти стихийные усилия увенчались успехом. «Память» не только позволила осознать гораздо более высокую гражданскую активность граждан СССР, чем это признавалось официальной прессой, но и предоставила людям возможность воссоздавать собственную коллективную память. Перемены, которые происходят сегодня в медиа-сфере, способствуют усилению роли граждан-исследователей и граждан-историков. Во многих случаях эти рядовые граждане сотрудничают с крупными институциональными проектами, что позволяет проводить масштабные исследования, которые не под силу отдельным специалистам. В результате такого сотрудничества рядовые граждане имеют возможность ознакомиться с профессиональными методами проведения исследований. Однако основной задачей граждан – вне зависимости от политического контекста – остается критический анализ рамок и методов институционального создания знаний. Редакторы и сотрудники «Памяти» задали высокие стандарты активной гражданской позиции, которые по сей день являются образцовыми для любого читателя.

Перевод с английского Павла Турчанинова

Часть I Исследования

Барбара Мартин

От XX съезда к «Архипелагу Гулаг»: появление альтернативного исторического дискурса в советском диссидентском движении (1956 – 1975)

Пусть же сбудется освобождение слова от всех кандалов, как бы они ни назывались. Пусть сгинет немота – она всегда поддерживала деспотизм. А память пусть останется вечной, неистребимой, вопреки будто бы оплаченному счету. Память – драгоценное сокровище человека, без нее не может быть ни совести, ни чести, ни работы ума.

Лидия Чуковская. Не казнь, но мысль, но слово (1968)⁶

Современная историография постсталинской эпохи часто сравнивает хрущевские и горбачевские реформы с точки зрения их отношения к советскому прошлому. И нетрудно найти аргументы в пользу того, что десталинизация в период оттепели служила моделью или репетицией для политики гласности в период перестройки. Например, по мнению Томаса Шерлока, «подход Горбачева к истории и мифу» имел много общего с хрущевским подходом. «Оба лидера считали, что было бы трудно совершить масштабные реформы, не обсудив до тех пор табуированные исторические сюжеты или не приспособив идеологию и коренные мифы системы»⁷. Были, разумеется, и существенные отличия: после того как хрущевская критика сталинского «культа личности» подставила под удар основы советской власти, система восстановила свое равновесие, исключив неортодоксальные дискурсы о прошлом. Впоследствии, несмотря на попытки диссидентов пробиться сквозь стену немоты, советское общество в целом оставалось изолированным от этих альтернативных дискурсов. Однако во время перестройки «историческая критика на службе реформы в итоге превращалась во все более яркую и однобокую дискуссию о легитимности советской однопартийной системы и ее учредительных мифах: Октябрьской революции и образе Ленина»⁸. Результатом этих споров стало всеобщее ослабление системы, а затем и ее окончательный крах.

Но если параллели между оттепелью и перестройкой кажутся очевидными, то разделяющий их период – эпоха застоя или эпоха заморозки – остается недооцененным. В статье 1989 года о диссидентском движении Л. Богораз, В. Голицын и С. Ковалев пытались проследить корни перестройки до 1965 года. При этом авторы ставили под вопрос принятое разграничение: «...ведь каждый из этих периодов, на которые теперь принято делить нашу наинovou историю (“оттепель”, “застой”, “перестройка”), несет в себе семена следующего»⁹. Следовательно, необходимо «понять: что же стало прорасти из “оттепельных” времен сквозь болот-

⁶ Чуковская Л.К. Не казнь, но мысль, но слово. (К 15-летию со дня смерти Сталина). В редакцию газеты «Известия» // Посев. 1968. № 8. С. 47 – 49.

⁷ Sherlock T. Historical Narratives in the Soviet Union and Post-Soviet Russia: Destroying the Settled Past, Creating an Uncertain Future. New York: Palgrave Macmillan, 2007. P. 2.

⁸ Sherlock T. Historical Narratives in the Soviet Union and Post-Soviet Russia... P. 2.

⁹ Богораз Л., Голицын В., Ковалев С. Политическая борьба или защита прав? Двадцатилетний опыт независимого общественного движения в СССР: 1965 – 1985 гг. // Погружение в трясину (Анатомия застоя) / Сост. и общ. ред. Т.А. Ноткиной. М.: Прогресс, 1991. С. 502.

ную гниль застоя, какие жизнеспособные ростки оказались устойчивы к этой гнили и расцвели в наши дни и нет ли в них унаследованной гнилостной заразы, микроба, вируса, притаившегося до поры?»¹⁰ Авторы, сами бывшие видными деятелями диссидентского движения, не сомневались:

...наше общество действительно «созрело для перемен» – потому что не только молчало и терпело все эти годы. В его «молчаливом большинстве» шла подспудная работа, подготовлявшая эти перемены и создававшая для них благоприятную почву: снимались фильмы, писались книги, обсуждались новые (для нас!) социальные, философские, экономические, научные идеи¹¹.

Эти полуофициальные дискуссии касались и исторических тем. Жгучие вопросы, вызванные хрущевской критикой культа личности, не получили удовлетворительных ответов, а после ужесточения цензуры их обсуждение могло продолжаться лишь в неофициальной сфере. Издание исторических сборников «Память» является важной, хотя и малоизвестной вехой в создании альтернативного дискурса о советском прошлом. В свою очередь, для того чтобы понять, как возникла сама идея «Памяти», следует рассматривать историю создания этих самиздатских сборников в более широком контексте.

В нашей статье мы попытаемся представить обзор событий и явлений, предшествовавших возникновению «Памяти» и подготовивших его. При этом основное внимание будет уделено не литературной жизни, имевшей лишь второстепенное влияние на «Память», а несколькими редким примерам диссидентских исторических исследований. Сугубо научный подход «Памяти» существенно отличался от более политизированного подхода в исследованиях Александра Солженицына или Роя Медведева; причем эта нейтральная позиция определилась именно на фоне предыдущих диссидентских работ и в качестве реакции на них. Рассматривая предыдущие опыты диссидентской историографии, мы попытаемся проследить корни «Памяти» и установить, какие идейные черты диссидентского движения присущи этим сборникам и в чем их отличие от предшественников.

Главной общей характеристикой всех подобных проектов можно назвать стремление к «восстановлению исторической правды» и борьбу против «фальсификаций» официальной исторической науки. Однако подход «Памяти» к решению этих задач имел существенные особенности.

Потрясение основ: как развитие альтернативного дискурса о прошлом поощрялось сверху

XX съезд и хрущевская десталинизация

«Секретный доклад» Никиты Сергеевича Хрущева на XX съезде КПСС определил один из самых крутых идеологических поворотов в советской истории. Будучи результатом соединения различных общественных и политических факторов, во многом он осуществился благодаря воле и личному мужеству одного человека. После смерти Сталина огромное напряжение, накопленное за десятилетия террора и произвола, ослабевало. Начали поступать просьбы от политзаключенных о пересмотре их дел, ежедневно выявлялись случаи грубой фальсификации, неоправданного осуждения невинных людей и применения пыток для получения ложных признаний. По мере того как число реабилитированных росло и обнаруживались все новые и

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 503.

новые «дела» видных партийных руководителей, Н.С. Хрущев и А.И. Микоян стали осознавать масштаб массовых репрессий, от которых сами они не пострадали только чудом.

О мотивах, побудивших Хрущева разоблачить сталинские преступления, существуют весьма противоречивые версии – в зависимости от личных представлений авторов. Соображения *Realpolitik*, несомненно, играли определенную роль, однако нам кажется, что не меньшее значение имели и моральные мотивы. В 1956 году предстоял первый партийный съезд после смерти Сталина. Хрущеву и Микояну было понятно, что членам Политбюро не уйти от ответственности за репрессии и что именно этот съезд дает возможность бывшим соратникам Сталина частично искупить свою вину перед народом. Откладывать этот вопрос на будущее означало идти на риск внешнего разоблачения, а в таком случае бывшие соратники Сталина потеряли бы сильную позицию: «все будут иметь законное основание считать нас полностью ответственными за происшедшие преступления», рассуждал Микоян. Если же «мы это сделаем по собственной инициативе, расскажем честно правду делегатам съезда, то нам простят, простят ту ответственность, которую мы несем в той или иной степени»¹². Кроме того, Хрущев чувствовал: после десятилетий террора и партийные руководители, и народ испытывают глубокую потребность в гарантиях личной безопасности и прекращения произвола. От этого зависело сохранение общественного порядка, все чаще нарушаемого вспышками недовольства как среди населения, так и среди заключенных¹³. От этого, пожалуй, зависело и сохранение режима¹⁴.

«Секретный доклад» лег в основу хрущевской политики десталинизации и сыграл важную роль в прозрении целых слоев населения, в пробуждении антисталинских настроений у многих бывших поклонников вождя. Правда, Хрущев намеревался ограничиться лишь частичным разоблачением наиболее явных репрессий. В докладе, подготовленном Комиссией по расследованию сталинских преступлений против коммунистов во главе с П.Н. Поспеловым, многие вопросы были намеренно оставлены в тени. Например, из текста следовало, что культ личности начался лишь в 1934 году, а это исключало, в том числе, возможность поставить под сомнение эксцессы коллективизации. Борьба Сталина с оппозиционерами не только осталась за рамками расследования, но и была поставлена ему в заслугу.

Доложить делегатам о «культе личности» решили, несмотря на несогласие Молотова, Кагановича и Ворошилова, на закрытом заседании в конце съезда; докладчиком по решению членов Президиума ЦК должен был выступить сам Хрущев¹⁵. Доклад вызвал такое потрясение среди участников съезда, что решено было разослать его текст партийным организациям по всей стране, а затем и комсомольским организациям и работникам советского аппарата. С содержанием доклада были также ознакомлены руководители социалистических стран и представители зарубежных коммунистических партий. Неудивительно, что вскоре текст попал в «чужие» руки и через несколько месяцев был опубликован в США¹⁶. Впоследствии он стал достоянием самиздата, оказав большое влияние на советскую интеллигенцию. Виктор Воронков справедливо назвал 25 февраля 1956 года «точк[ой] отсчета для появления “разномыслия”»¹⁷: при Сталине, в общем контексте тоталитарного контроля инакомыслящие являли собой редкие исключения и вплоть до 1956 года их деятельность оставалась подпольной. При

¹² Микоян А.И. Так было. Размышления о минувшем. М.: Вагриус, 1999. С. 591.

¹³ См.: Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.). 3-е изд., испр. и доп. М.: РОССПЭН, 2009.

¹⁴ Наумов В.П. К истории секретного доклада Н.С. Хрущева на XX Съезде КПСС // Новая и новейшая история. 1996. № 4.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Наумов В.П. К истории секретного доклада Н.С. Хрущева на XX Съезде КПСС.

¹⁷ Воронков В. 25 февраля 1956 года – начало «разномыслия» в СССР // Разномыслие в СССР и в России (1945 – 2008). Сборник материалов научной конференции 15 – 16 мая 2009 года / Под общ. ред. Б.М. Фирсова. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2010. С. 28.

Хрущеве у людей появилось частное жилищное пространство, что способствовало созданию промежуточной «приватно-публичной сферы», в которой могли развиваться альтернативные дискурсы. А секретный доклад, согласно Воронкову, «стал спусковым крючком механизма, зарождавшего сомнения в безгрешности власти в принципе, и прямым сигналом к инициации критики этой власти»¹⁸.

Однако было бы преувеличением называть это оттепельное «брожение умов» движением сопротивления Советской власти. Секретный доклад являлся «вклад[ом] в дело пробуждения личной совести»¹⁹, но этот процесс осваивания нравственных ценностей и пересмотра прошлого проходил в привычных идеологических рамках и установленных категориях. По оценке Филипа Буббайера, Хрущев действительно призывал к «общечеловеческим ценностям», однако делал это «исключительно в партийных интересах». И тем не менее «хрущевский жест вызвал воодушевление: люди прониклись оптимизмом и поверили в возможность реформ в СССР»²⁰. Именно в призыве бороться против возрождения культа и восстановить «историческую правду» в литературе и в исторической науке видели инакомыслящие писатели, историки и философы суть своей антисталинской деятельности. В 1961 году, во время XXII съезда, разоблачение культа личности впервые получило широкую огласку в печати, а такие символические меры, как перезахоронение Сталина у кремлевской стены, убедили интеллигенцию в прочности новой идеологической линии. Инакомыслящий историк Александр Моисеевич Некрич вспоминал:

То было время больших ожиданий. <...> Нечего и говорить, с каким воодушевлением сотни тысяч людей, а среди них мои друзья и я восприняли то, что произошло на съезде <...> Тогда казалось: значит, социализм не ошибка, значит, «великий эксперимент» удался, несмотря на все ужасы, кровь и грязь. Партия сказала народу правду, всю правду.

Всю Правду?

С этого все и началось. Правда была сказана суммарно. А люди ожидали, что гордиев узел будет не столько разрублен, сколько распутан. Но, – успокаивали мы себя, – Хрущев в секретном докладе назвал ряд преступлений, которые должны быть расследованы, например убийство Кирова, а это приведет, в свою очередь, к раскрытию и осуждению других преступлений и к суду над виновными. Казалось, что все развивается в нужном направлении²¹.

Для молодого «поколения оттепели» наступило время новообретенной свободы и больших надежд. Людмила Алексеева рассказала:

Этот съезд положил конец одиноким попыткам подвергнуть сомнению советский строй. Люди переставали бояться, начали высказывать свои мнения, делиться информацией, обсуждать волнующие их вопросы. По вечерам мы собирались в тесных квартирах, читали стихи, предавались воспоминаниям, обменивались новостями. В результате возникала реальная картина того, что происходит в стране. То было время нашего пробуждения²².

¹⁸ Там же. С. 32 – 33.

¹⁹ Буббайер Ф. Совесть, диссидентство и реформы в Советской России. М.: РОССПЭН, 2010. С. 105.

²⁰ Там же. С. 106 – 107.

²¹ Некрич А.М. Отрешись от страха. Воспоминания историка. Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd., 1979. С. 140 – 141.

²² Алексеева Л.М., Голдберг П. Поколение оттепели. М.: Захаров, 2006. (Перевод с англ.: Alexeyeva L. and Goldberg P. The Thaw Generation: Coming of Age in the Post-Stalin Era. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1993. P. 4).

Оттепель в художественной литературе и в исторической науке

Начавшаяся после смерти Сталина «литературная оттепель» достигла своей вершины с публикацией «Одного дня Ивана Денисовича» А.И. Солженицына в ноябре 1962 года. Из толстых литературных журналов «Новый мир», несомненно, был самым либеральным. После того как знаменитый поэт А.Т. Твардовский снова возглавил редакцию журнала в 1958 году, «Новый мир» стал «единственным общественным воплощением этики и менталитета интеллигенции»²³. Именно Твардовский сумел убедить Хрущева в необходимости опубликовать «Один день Ивана Денисовича» – неприемлемую с точки зрения цензуры повесть. До этого на страницах журнала уже появлялись произведения, посвященные теме репрессий: «Кира Георгиевна» Виктора Некрасова (июнь 1961 г.), глава из мемуаров Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь» (май 1962 г.)²⁴. Однако по качеству текста, по уровню вызванного общественного интереса и по масштабу откликов «Один день...» превзошел все предыдущие публикации. По всей стране стояли очереди за одиннадцатым номером «Нового мира»; на имя Солженицына приходили сотни писем от читателей, потрясенных талантом до тех пор неизвестного автора, в том числе от бывших заключенных и – реже – от ярых защитников Сталина. Повесть, которую Корней Чуковский назвал «литературным чудом», а Самуил Маршак – «правдивой»²⁵, вызвала очень сильные эмоции. Для тех, кто прошел через лагеря и тюрьмы, она являла собой важную веху на восходящем, как тогда казалось, пути реабилитации жертв сталинского произвола.

Солженицын был не единственным автором, который интересовался «белыми пятнами» советской истории. Большая часть опубликованных в то время текстов по «гулаговской тематике» представляла собой либо мемуары, либо художественные произведения, однако некоторые историки тоже пытались раздвинуть жесткие идеологические рамки в своей науке. Правда, из-за строгого партийного контроля над общественными науками в этой области эффект десталинизации был не столь ощутим. Тем не менее наказания за отступления от сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)» уже не были систематическими, а открытые и относительно свободные дискуссии стали возможными на таких мероприятиях, как Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам (декабрь 1962 г.)²⁶. В Институте истории АН СССР некоторые сотрудники заинтересовались столь «деликатными» вопросами, как история коллективизации (Виктор Данилов), занялись поиском новых методологических подходов, отличных от классических марксистских (Михаил Гефтер)²⁷. Старшим научным сотрудником в Институте истории работал и Александр Некрич, специалист по британской внешней политике во время Второй мировой войны. В то время он готовил к публикации монографию «1941. 22 июня», посвященную предпосылкам немецкого нападения на Советский Союз и демонстрирующую непростительные стратегические просчеты советского руководства и лично Сталина.

Несмотря на наметившиеся перемены, официальная советская история в глазах интеллигенции оставалась лживой, чересчур политизированной и не отражающей действительность. Известный историк и политик Юрий Афанасьев, начавший карьеру при Брежневе и ставший

²³ Zubok V.M. *Zhivago's Children: The Last Russian Intelligentsia*. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 2009. P. 168.

²⁴ Козлов Д. Отзывы советских читателей 1960-х гг. на повесть А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»: свидетельства из архива «Нового мира» (часть I) // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 178.

²⁵ Стиваковский П.Е., Есина Т.В. Ивану Денисовичу полвека: юбилейный сборник, 1962 – 2012. М.: Русский Путь, 2012. С. 20 – 22.

²⁶ Whittier Heer N. *Politics and History in the Soviet Union*. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1973. P. 147.

²⁷ Markwick R.D. *Rewriting History in Soviet Russia: The Politics of Revisionist Historiography, 1956 – 1974*. Basingstoke: Palgrave, 2001. Ch. 3 – 5.

при Горбачеве «прорабом перестройки», впоследствии дал такой отзыв: «Монополизм и моно-логизм в отношении к исторической истине дополняла крайняя степень политизированности самих представлений об истинном и ложном в исторической науке. Это со всей очевидностью вело к сужению и деформации историографического поля»²⁸. Диссиденты еще более сурово осуждали политический и идеологический контроль над исторической наукой. По мнению Петра Якира, Ильи Габая и Юлия Кима,

в общественных науках продолжает навязываться губительный и необратимый диктат конъюнктуры. Отступление от истины – смерть для ученого, а наши историки новейшего времени, философы, политэкономы вынуждены делать это каждодневно. Если же случайно частица правды прорвется в печать, авторы подвергаются гонениям. Примеры этого хорошо известны²⁹.

В условиях, когда цензура ужесточилась, а важные исторические вопросы не могли обсуждаться в профессиональной среде, дискуссии о советском прошлом переместились в самиздат. По рукам ходили не только не прошедшие цензуру литературные тексты, но и открытые письма против реабилитации Сталина, и аналитические очерки, в которых тесно переплетались прошлое и настоящее, что свидетельствовало об актуальности уроков сталинского периода для современной политической жизни.

Свержение Хрущева и поворот к частичной реабилитации Сталина

На Октябрьском пленуме 1964 года Н.С. Хрущев был свергнут. Переворот не вызвал протестов; наоборот, народ широко его приветствовал. Всеобщее недовольство вызывал не столько антисталинский курс Хрущева, сколько его импульсивность, приведшая к многочисленным просчетам в экономике и внешней политике. Даже творческая интеллигенция, недавно ставшая объектом гонений, изначально встретила его падение одобрительно. Однако скоро наметился новый идеологический курс, решительно отступавший от политики десталинизации, и «литературная оттепель» окончательно пошла на убыль. Уже в мае 1965 года, во время празднования двадцатилетия победы в Великой Отечественной войне, ясно ощущались признаки грядущей реабилитации Отца народов. «С самых высоких трибун во вполне положительном контексте называлось имя И.В. Сталина. Газеты сообщали об аплодисментах, раздавшихся при упоминании этого имени», – сетовали П.И. Якир, И.Я. Габай и Ю.Ч. Ким в открытом письме протеста в 1968 году³⁰.

Суд над Даниэлем и Синявским и возникновение диссидентского движения

Событием, положившим начало диссидентскому движению, обычно считается суд над Юлием Даниэлем и Андреем Синявским в феврале 1966 года. Двух писателей арестовали в сентябре 1965-го за публикацию крамольных литературных произведений на Западе под псевдонимами. В День советской Конституции, 5 декабря 1965 года, группа инакомыслящих организовала неофициальную демонстрацию с целью призвать власти к гласности и открытости

²⁸ *Афанасьев Ю.Н.* Феномен советской историографии // Советская историография / Под ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1996. С. 36.

²⁹ *Габай И.Я., Ким Ю.Ч., Якир П.И.* Открытое письмо «К деятелям науки, культуры и искусства» с призывом выступить против политических репрессий в связи с политическими процессами в СССР (дела Синявского – Даниэля, Гинзбурга – Галанскова и др.), ужесточением цензуры и идеологической реабилитацией Сталина. Архив самиздата (далее – АС) 14 // Собрание документов самиздата. Т. 1. Мюнхен: Samizdat Archive Association, 1972.

³⁰ Там же.

предстоящего суда. Силы правопорядка за несколько минут разогнали демонстрантов, однако эта первая свободная демонстрация послевоенного периода имела высокое нравственное значение для бунтующей интеллигенции. Правда, ни этот протест, ни последовавшие за ним не спасли обвиняемых от сурового судебного приговора: Даниэль и Синявский были осуждены к 5 и 7 годам заключения соответственно. Этот политический процесс оказался первым из длинного ряда: вместо того чтобы утратить иную идеологию, новые репрессии вызвали бурю протестов среди интеллигенции, опасавшейся возможного возрождения «сталинских методов». Постепенно, благодаря регулярным выступлениям групп единомышленников по одним и тем же вопросам, с одними и теми же призывами, сложилось так называемое «диссидентское движение» – со своими ценностями, своей этикой, своими кодами общения и акций.

Правда, стремление к максимальной точности заставляет нас сомневаться в правомерности такого обобщающего термина, как «диссидентское движение». По мнению бывшего диссидента и члена редколлегии «Памяти» Александра Даниэля, «диссидентство – это никакое не движение, а скорее *совокупность общественных движений и индивидуальных поступков, разнородных и разнонаправленных (а зачастую противонаправленных) по своим целям и задачам*»³¹. Да и само определение термина «диссидент» часто оказывается яблоком раздора в научных дискуссиях³². В нашей статье мы, к сожалению, не можем уделить должного внимания этому вопросу. Скажем только, что самая видная группа диссидентов, часто называемая правозащитниками, представляла собой лишь небольшую часть обширного целого, состоящего из множества религиозных, национальных и политических групп. Даниэль отрицает также существование единой диссидентской идеологии или отдельной диссидентской культуры и предпочитает говорить об общей «культуре диссидентства»:

Различные компоненты диссидентства были близки друг к другу по основным принципиальным установкам (ненасилие, гласность, апелляция к закону, реализация основных прав и свобод «явочным порядком»), по формам общественной активности (создание неподцензурных текстов, объединение в независимые общественные ассоциации, изредка – публичные акции) и по используемому инструментарию (петиции, адресованные в советские официальные инстанции, и «открытые письма», обращенные к общественному мнению; распространение информации через Самиздат и западные масс-медиа)³³.

Для правозащитников главной задачей было отстаивание гражданских прав на основе существующих законов и советской Конституции. Много внимания уделялось и таким нравственным вопросам, как увековечение памяти жертв политических репрессий и осуждение виновников сталинских преступлений. Требование уважать закон в настоящем предполагало осуждение прошлого произвола. А поскольку поворот к реабилитации Сталина совпал с новой волной политических процессов, две эти стороны вопроса переплелись еще теснее.

Дело Некрича

В историческом поле эквивалентом суда над Даниэлем и Синявским можно считать так называемое «дело Некрича», которое положило конец робким попыткам историков оценить ответственность Сталина как руководителя страны и армии во время Второй мировой войны.

³¹ Даниэль А.Ю. Диссидентство: культура, ускользящая от определений? // РОССИЯ / RUSSIA. Вып. 1 [9]: Семидесятые как предмет истории русской культуры. М.: О.Г.И., 1998. С. 112. Курсив в оригинале.

³² Интересная дискуссия по этой теме содержится в статье: Богораз Л.И., Даниэль А.Ю. В поисках несуществующей науки (Диссидентство как историческая проблема) // Проблемы Восточной Европы. 1993. № 36 – 37. С. 142 – 161.

³³ Даниэль А.Ю. Диссидентство: культура, ускользящая от определений? С. 113.

Когда в октябре 1964 года Хрущев был отстранен от власти, историк Александр Некрич готовил к изданию «1941. 22 июня» – исследование о первых днях войны и причинах ранних поражений Красной Армии. Хотя новых официальных указаний еще не появилось, автор предчувствовал, что книга может не пройти цензуру из-за «излишне» антисталинской направленности, и потому торопился³⁴. Книга вышла в издательстве «Наука» в октябре 1965 года, и все 50 000 экземпляров были распроданы за три дня. Однако рецензий в советской прессе практически не появилось³⁵, и это предвещало изменение официального отношения к Сталину.

В феврале 1966 года, через несколько дней после завершения процесса над Даниэлем и Синявским, состоялось обсуждение книги Некрича в отделе истории Великой Отечественной войны Института марксизма-ленинизма. Об этом событии, оказавшемся для автора судьбоносным, известно главным образом из самиздатской «Краткой записи» дискуссии и из воспоминаний как самого Некрича, так и приглашенных им участников. По их словам, неосталинские историки во главе с Е. Болтиным собирались напасть на книгу «1941. 22 июня» и лишь привлечение союзников-антисталинистов спасло ее от запланированного разгрома; более того, обсуждение книги переросло в строгое осуждение роли Сталина в войне. Неофициальная запись, составленная, вероятно, Леонидом Петровским, вскоре ушла в самиздат и в дальнейшем была опубликована за границей как свидетельство грозящей реабилитации Сталина в Советском Союзе. В письме, адресованном высоким инстанциям, Е. Болтин описывал «Краткую запись» как «тенденциозную и злопахательскую анонимку», которая искажает суть дискуссии и имеет целью разжигание «нездоровых настроений, вызванных книгой, замалчивание критики ошибок автора и опорочивание его оппонентов»³⁶. Надо сказать, что чтение официальной записи обсуждения и архивные документы дают основания поставить версию Некрича о преднамеренном разгроме под сомнение³⁷. Тем не менее факт остается фактом: неожиданный оборот, принятый дискуссией, и шум, поднятый в западной прессе вокруг нее, решили судьбу книги и самого автора. В июле 1967 года Александра Некрича исключили из партии за отказ от раскаяния и впредь уже нигде не публиковали; по всей стране библиотечные экземпляры «1941. 22 июня» были либо уничтожены, либо отправлены в спецхран³⁸.

Однако дело на этом не кончилось. В сентябре 1967 года в журнале «Вопросы истории КПСС» появилась подписанная Г.А. Дебориным и Б.С. Тельпуховским рецензия на книгу «1941. 22 июня» под названием «В идейном плену у фальсификаторов истории»³⁹. Задача авторов, резко осуждавших книгу, была очевидна – оправдать ex-post facto исключение Некрича из партии: мол, он фальсифицирует историю и тем самым играет на руку буржуазным противникам Советского Союза. Обвинение вызвало бурную реакцию антисталинистов, в том числе генерала Петра Григоренко – ветерана войны, ставшего диссидентом. Григоренко, считавший необходимым «поднять тревогу» в связи с попытками реабилитации Сталина, написал большое письмо протеста в журнал «Вопросы истории КПСС». В письме «Соккрытие исторической правды – преступление перед народом!», вскоре ушедшем в самиздат, генерал не только обви-

³⁴ Некрич А. Отрешись от страха. С. 227.

³⁵ Исключениями были рецензия Г.Б. Федорова «Меры ответственности («Новый мир». 1966. № 1. С. 27), а также статья А. Вахрамеева «Правде в глаза» в «Комсомольце Таджикистана». Обе рецензии были положительными.

³⁶ Письмо Е. Болтина (завотделом истории ВОВ ИМЛ при ЦК) в Комитет по делам печати Совета министров СССР, 19 сентября 1966 г. // РГАСПИ. Ф. 629 (фонд Поспелов П.Н.). Оп. 1. Д. 80.

³⁷ Этот текст был опубликован во 2-м издании «1941. 22 июня» (М.: Памятники исторической мысли, 1995.) Он не содержит убедительного доказательства враждебных намерений, предписанных Некричем Е. Болтину или Г.А. Деборину. Архивные документы, напротив, показывают, что Болтин организовал эту дискуссию потому, что книга вызвала большой интерес среди историков, хотя и не ожидал, что она окажется настолько бурной (Письмо Е. Болтина 19 сентября 1966 г. РГАСПИ. Ф. 629 (Фонд Поспелов П.Н.). Оп. 1. Д. 80.)

³⁸ Некрич А. Отрешись от страха. С. 306.

³⁹ Деборин ГА, Тельпуховский Б.С. В идейном плену у фальсификаторов истории // Вопросы истории КПСС. 1967. № 9. С. 127 – 140.

нял Деборина и Тельпуховского в клевете, но и, исходя из личного опыта, изложил собственную версию событий, предшествовавших началу войны⁴⁰. Григоренко был не единственный, кто протестовал против исключения Некрича из партии и разгромной статьи. Среди коллег Некрича по Институту истории АН СССР нашлось немало отважных ученых, готовых рискнуть своей карьерой ради справедливости. Коллективное письмо, составленное М.С. Альперовичем и А.Г. Тартаковским в защиту историка, подписали 19 человек; кроме того, несколько академиков отправили письма самостоятельно⁴¹. Подобные громкие дела оказывали мощное воздействие на взгляды и оценки советской интеллигенции и сыграли важную роль в созревании инакомыслия.

Начиная с 1965 года просталинские силы внутри аппарата интенсивно добивались реабилитации Сталина. Эти попытки не увенчались успехом: официального пересмотра решений XX и XXII съездов не произошло ни на XXIII съезде (в марте 1966), ни впоследствии. Но хотя большинство в Политбюро занимало нейтральную позицию в этом вопросе, в целом советское руководство сочло политически целесообразным положить конец разоблачению сталинских преступлений. Александр Бовин, работавший в то время в Центральном Комитете, вспоминал: «Послехрущевское руководство, мало что меняя на верхних, официальных, парадных этажах идеологии, дало понять “местам”, что желательно умерить антисталинские настроения, осадить “очернителей” нашей славной истории»⁴². Этот идеологический поворот выразился как в ужесточении цензуры и преследовании инакомыслящих историков, так и в появлении публикаций, подвергавших сомнению разоблачение культа личности. Однако действия властей были фактически негласными, и потому авторы различных обращений и писем протеста не переставали надеяться, что попытки реабилитации Сталина возможно прекратить.

Письма против реабилитации Сталина

Буббайер назвал «бомбардировку письмами» – как коллективных, так и индивидуальных – в числе основных стратегий диссидентов, видя в них проявление возрастающей «гражданской ответственности»⁴³ советской интеллигенции. По его оценке, письма протеста писались не столько для того, чтобы повлиять на официальный курс или облегчить участь невинно осужденных, сколько для того, чтобы публично отмежеваться от принятого во имя целого народа курса. В некотором смысле эти письма были средством «внутреннего освобождения»⁴⁴. С такой оценкой можно согласиться, однако следует принимать во внимание постепенность этой эволюции.

Первая волна протестов пришла на февраль – март 1966 года. В это время проходили и XXIII съезд партии, и суд над Даниэлем и Синявским. Первый открытый политический процесс постсталинской эпохи вызвал большую тревогу в среде интеллигенции. С приближением первого партийного съезда после отставки Хрущева и в связи с учащением выступлений в печати, «направленных, по сути дела, на частичную или косвенную реабилитацию Сталина», группа из 25 деятелей науки, искусства и литературы⁴⁵ во главе с Эрнстом Генри⁴⁶

⁴⁰ Григоренко П.Г. «Соккрытие исторической правды – преступление перед народом!» // Мысли сумасшедшего. Избранные письма и выступления Петра Григорьевича Григоренко. Амстердам: Фонд им. Герцена, 1973. С. 31 – 93. См. также мемуары П. Григоренко: В подполье можно встретить только крыс. Нью-Йорк: Детинец, 1981.

⁴¹ Отрешившийся от страха. Памяти А.М. Некрича. Воспоминания, статьи, документы / Сост. М.С. Альперович, Я.С. Драбкин, Д.Г. Наджафов, Л.П. Петровский. М.: Институт всеобщей истории РАН, 1996. С. 85 – 86.

⁴² Бовин А. XX век как жизнь. Воспоминания. М.: Захаров, 2003. С. 153.

⁴³ Буббайер Ф. Совесть, диссидентство и реформы в Советской России. С. 134.

⁴⁴ Там же. С. 135.

⁴⁵ Арцимович Л.А., Ефремов О.Н., Капица П.Л., Катаев В.П., Корин П.Д., Леонтович М.А., Майский И.М., Некрасов В.П., Неменский Б.М., Паустовский К.Г., Пименов Ю.И., Плисецкая М.М., Попов А.А., Ромм М.И. и др. (25 чел.) Письмо 25-ти

направила письмо Л. Брежневу. Подписанты опасались возможного пересмотра решений XX и XXII съездов и предупреждали о появлении «серьезных расхождений внутри советского общества»: такой пересмотр решений «создал бы угрозу нового раскола в рядах мирового коммунистического движения, на этот раз между нами и компартиями Запада». И писем в этом духе было немало. Реабилитации Сталина на XXIII съезде не произошло, однако неосталинистские выступления в печати продолжались.

В сентябре 1967 года в связи с приближением 50-летия Октябрьской революции дети репрессированных коммунистов (43 человека) написали письмо в ЦК КПСС. Напуганные «культурной революцией» в Китае, они опасались повторения катастрофы, погубившей их семьи и их молодость. «Это не должно повториться. Возрождение прошлого ставит под удар идеи коммунизма, дискредитирует нашу систему, возводит в закономерность гибель миллионов невинных людей». Теперь необходимо рассказать «полную правду» о сталинских преступлениях, чтобы поднявшееся «общественное негодование» уничтожило все последствия культа личности. В частности, надо соорудить памятник жертвам репрессий, обещанный Хрущевым на XXII съезде. В заключение авторы письма призывали своих вождей не возвеличивать Сталина наряду с героями Октябрьской революции: «Имени же деспота не место на заменах партии»⁴⁷.

В 1968 г. И. Габай, Ю. Ким и П. Якир обратились к деятелям науки, культуры и искусства:

В течение нескольких лет в нашей общественной жизни намечаются зловещие симптомы реставрации сталинизма. Наиболее ярко проявляется это в повторении самых страшных деяний той эпохи – в организации жестоких процессов над людьми, которые посмели отстаивать свое достоинство и внутреннюю свободу, дерзнули думать и протестовать.

«...» Каждое ваше молчание – ступенька для нового процесса над Даниэлем или Гинзбургом. Исполволь, с Вашего молчаливого согласия, может наступить новый 1937 год⁴⁸.

Большая доля антисталинских писем пришлась на год 90-летия Сталина. В январе 1969-го в журнале «Коммунист» выступили Голиков, Мурашов, Чхиквишвили, Шатагин и Шаумян⁴⁹. В своей программной статье «За ленинскую партийность в освещении истории КПСС» авторы сетовали:

отдельные авторы вместо подлинной партийной критики ошибок и недостатков, связанных с культом личности, чернят героическую историю нашего государства и ленинской партии в период строительства социализма, изображают эти годы как сплошную цепь ошибок и неудач. «...»

КПСС вскрывала и впредь будет смело вскрывать недостатки и ошибки, возникшие в ходе великой созидательной работы. «...» Но подмена глубокого и всестороннего изучения героического опыта КПСС коллекционированием

советских деятелей науки и культуры Генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу с протестом против «тенденций, направленных на реабилитацию Сталина», 14.02.1966. За этим письмом последовало второе, 25 марта 1966 г., подписанное 13 деятелями, включая И. Эренбурга (<http://www.ihst.ru/projects/sohist/document/letters/antistalin.htm>).

⁴⁶ Эрнст Генри – псевдоним Семена Николаевича Ростовского (настоящее имя Леонид (Лейб) Абрамович Хэнтон). Он работал в Коминтерне и в советской разведке в 1930 – 1940-х гг., был арестован в 1951 г. и провел 4 года в заключении; впоследствии реабилитирован. В 1960-х гг. он был известным писателем и журналистом, пользовался авторитетом и популярностью. См.: *Драбкин Я.С.* Эрнст Генри – «наш человек в XX веке» // Новая и новейшая история. 2004. № 4.

⁴⁷ Письмо 43-х детей коммунистов, необоснованно репрессированных Сталиным, в ЦК КПСС об опасности реабилитации Сталина накануне 50-й годовщины Октябрьской революции. 24.09.1967. АС 134 // Собрание документов самиздата. Т. 2. Мюнхен: Samizdat Archive Association, 1972.

⁴⁸ *Габай И.Я., Ким Ю.Ч., Якир П.И.* Открытое письмо «К деятелям науки, культуры и искусства...»

⁴⁹ *Голиков В., Мурашов С., Чхиквишвили И., Шатагин Н., Шаумян С.* За ленинскую партийность в освещении истории КПСС // Коммунист. 1969. Февраль – март. № 2. С. 67 – 82.

сомнительных фактов об ошибках и издержках, выпячивание и смакование недостатков и просчетов – дело недостойное, не имеющее ничего общего с научным исследованием⁵⁰.

Статья вызвала бурю ответных писем. Против нее открыто выступили Рой Медведев⁵¹, Леонид Петровский⁵² и Петр Якир⁵³. В том, что неосталинистские нападки исходят от официального печатного органа ЦК КПСС, авторы этих обращений усматривали особую угрозу. «Таким образом, авторитетом центрального органа КПСС доведена до апогея продолжавшаяся несколько лет просталинская кампания», мрачно заключал Петр Якир. Рой Медведев писал:

...общая линия журнала «Коммунист» – линия согласованного наступления на весь тот курс партии, который был провозглашен на ее XX и XXII съездах <...> Более того, эта статья, опубликованная в официальном журнале ЦК КПСС, уже стала основой для деятельности комитетов по печати, издательств, редакционных коллегий, органов цензуры. Нам известно, однако, что эта статья не обсуждалась на Политбюро ЦК КПСС или на секретариате ЦК КПСС. Как же понять в этом случае выступление журнала «Коммунист»? Мы считаем, что его нельзя понять и оценить иначе, как фракционное выступление, наносящее вред единству нашей партии и всего коммунистического движения⁵⁴.

К концу десятилетия поток открытых писем против реабилитации Сталина стал иссякать – под деморализующим влиянием чехословацких событий и репрессий против инакомыслящих. Но, с другой стороны, среди авторов протестных писем и «подписантов» появились люди, готовые бороться до конца. Методы их борьбы качественно изменились, и к 1970 году они перешли от борьбы со сталинизмом к более широкой задаче – защите гражданских прав.

Таким образом, письма против возрождения культа личности сыграли значительную роль в формировании диссидентства. Однако затем, по мере того как внутри диссидентского движения начали формироваться различные – порой противоположные – политические направления, антисталинизм перестал служить объединяющим «правым делом» и потерял былое значение и остроту. Тем не менее нравственная задача «восстановления исторической правды», поставленная антисталинистами в 1960-х годах, сохранила актуальность и в 1970-х.

Призыв диссидентов к «восстановлению исторической правды»

Уже в 1960-х годах в антисталинских письмах прослеживается новый мотив: осуждение сталинских преступлений как нравственный долг перед памятью погибших. Призывы к восстановлению ленинских норм законности, вторящие официальному дискурсу, постепенно заменяются призывами к «восстановлению исторической правды». При этом слово «правда» подразумевает не столько научную истину, затемненную идеологически окрашенной риторикой, сколько справедливость для невинных жертв репрессий. Более того, включение в антисталинский дискурс нравственного мотива позволяет увязать борьбу против реабилитации Сталина с

⁵⁰ Там же. С. 73.

⁵¹ Медведев Р.А. Возможно ли сегодня реабилитировать Сталина? Открытое письмо в журнал «Коммунист» 03.04.1969. АС 131 // Собрание документов самиздата. Т. 2. Мюнхен: Samizdat Archive Association, 1972.

⁵² Петровский Л.П. Открытое письмо в ЦК КПСС с критикой исторических публикаций, реабилитирующих Сталина. АС 130 // Собрание документов самиздата. Т. 2. Мюнхен: Samizdat Archive Association, 1972.

⁵³ Якир П.И. Открытое письмо в редакцию журнала «Коммунист» в связи с его публикациями, реабилитирующими Сталина. АС 99 // Собрание документов самиздата. Т. 1. Мюнхен: Samizdat Archive Association, 1972. Об этой статье см. также с. 36 в настоящем издании.

⁵⁴ Медведев Р.А. Возможно ли сегодня реабилитировать Сталина?..

задачей предотвратить возрождение сталинизма. Таким образом призывы к гласности в отношении к недавнему прошлому постепенно перерастают в более широкие выступления за свободу слова.

«Убийство правдивого слова – оно ведь тоже идет оттуда, из сталинских окаянных времен», – писала Лидия Чуковская⁵⁵. Лев Копелев не видел опасности в том, чтобы свои взгляды выражали также и неосталинисты; наоборот, запрет был бы равносильным возвращению «сталинизма под другим именем». И потому он призывал всех к открытому диалогу, ибо «больше всего сторонники и реставраторы культа Сталина страшатся свободного обмена мнений, гласности, конкретной исторической правды, настоящей марксистской критики»⁵⁶.

Однако другие антисталинисты пессимистично замечали, что свобода слова соблюдается лишь в отношении их оппонентов. Григорий Свирский, выступая в Союзе советских писателей, говорил: «Искоренение дискуссионных книг – симптом особо опасный. Это значит – не нужны мыслящие люди. Мыслящий в условиях произвола – это, в потенции, инакомыслящий»⁵⁷.

Пожалуй, наиболее резко по этому поводу высказался П. Якир в своем открытом письме журналу «Коммунист»⁵⁸. Он возражал тем, кто пытается «отделить Сталина от его дел» и возлагает ответственность за его преступления на исполнителей – на Берию, Ежова, Абакумова. «Это соблазнительная, но заведомо лживая обстановка. Никогда в истории нашей страны не было культа Ежова – был культ Сталина, и с уходом Ежова со сцены репрессии не прекратились»⁵⁹. Кроме того, Якир пытался доказать, что преступления Сталина были уголовно наказуемыми:

О преступлениях Сталина можно было бы написать десятки тысяч страниц. Наша задача скромнее: используя Уголовный кодекс РСФСР, изданный в Москве в 1968 г.⁶⁰ (самый мягкий на протяжении нашей истории), мы постараемся доказать, что ваш журнал взял под защиту уголовного преступника, заслужившего четырежды приговора к расстрелу и по совокупности 68 лет заключения с отбытием в местах строжайшего лишения свободы, если судить за преступления, совершенные только один раз, а как так эти преступления совершались постоянно, то это наказание должно увеличиться в сотни и тысячи раз⁶¹.

Далее Якир предлагал авторам статьи публично опровергнуть его обвинения, иначе он будет считать себя «вправе пригласить [своих] коллег по нынешней дискуссии совместно обратиться в Прокуратуру СССР с целью возбудить уголовное дело по обвинению Сталина (Джугашвили) И.В. в преступлениях, изложенных выше». При этом он выражал уверенность в том, что «осуждение посмертно возможно и законно, как возможны и законны посмертные реабилитации».

Однако призывы Якира остались без ответа, и ни Сталина, ни здравствовавших до тех пор его подручных не осудили. Чтобы хотя бы символично восполнить этот пробел, в 1969 году появился самиздатский бюллетень «Преступление и наказание», посвященный, согласно «Хронике текущих событий», «разоблачению палачей сталинских времен. Рассказывая о пала-

⁵⁵ Чуковская Л.К. Не казнь, но мысль, но слово...

⁵⁶ Копелев Л.З. Почему невозможна реабилитация Сталина? // Вера в слово. Ann Arbor: Ardis, 1977. С. 35.

⁵⁷ Свирский Г.Ц. Стенограмма выступления на открытом партсобрании Московского отделения СП СССР, посвященного угрозе возрождения сталинизма и проблеме цензуры. АС 26 // Собрание документов самиздата. Т. 1. Мюнхен: Samizdat Archive Association, 1972.

⁵⁸ Речь идет о его ответе на статью Голикова и др. «За ленинскую партийность в освещении истории КПСС». Об этой статье см. с. 33 в настоящем издании.

⁵⁹ Якир П.И. Открытое письмо в редакцию журнала «Коммунист».

⁶⁰ Указанная дата неточна. На самом деле новый уголовный кодекс был принят в 1960 году.

⁶¹ Якир П.И. Открытое письмо в редакцию журнала «Коммунист».

чах, садистах, доносчиках, преступниках против человечности, издание говорит о том, где они сейчас и что делают»⁶².

Г. Померанц в своем трактате «Нравственный облик исторической личности»⁶³ попытался дать нравственную оценку личности Сталина. Причем он полагал, что тех, кто раньше поддерживали Сталина в контексте борьбы против фашизма и Гитлера, можно оправдать хотя бы частично – учитывая особенности того времени, однако нынешнее идолопоклонство ничем оправдать нельзя.

Восстановить уважение к Сталину, зная, что он делал, – значит установить нечто новое, установить уважение к доносам, попыткам и казням. Это даже Сталин не пытался сделать. Он предпочитал лицемерить. Восстановить уважение к Сталину – значит установить около нашего знамени нравственного урода. Этого еще никогда не было. Делались мерзости, но знамя оставалось чистым⁶⁴.

В 1968 году, в письме в редакцию «Известий»⁶⁵ писательница Лидия Чуковская возражала утешительному выводу недавно опубликованного стихотворения:

Несчетный счет минувших дней
Неужто не оплачен?
<...>
И он с лихвой, тот длинный счет,
Оплачен и оплакан⁶⁶.

Нет, уверяла Чуковская, тот счет еще не оплачен, ибо «бывают счета неотвратимые и в то же время – неоплатные». И хотя он был «оплакан», но лились «океаны слез <...> украдкой в подушки». Правда, бывшие заключенные были реабилитированы, но палачи их остались неосужденными, и списки имен доносчиков – неоглашенными.

...я не предлагаю зуб на зуб. Месть не прельщает меня. Я не об уголовном, а об общественном суде говорю. <...> Пусть из гибели невинных вырастает не новая казнь, а ясная мысль. Точное слово. Я хочу, чтобы винтик за винтиком была исследована машина, которая превращала полного жизни, цветущего деятельностью человека в холодный труп. Чтобы ей был вынесен приговор. Во весь голос. Не перечеркнуть надо счет, поставив на нем успокоительный штемпель «уплачено», а распутать клубок причин и следствий, серьезно и тщательно, петля за петлей его разобрать...⁶⁷

К исследованию прошлого, столь важному для советского общества, Л. Чуковская предлагала привлечь историков, философов, социологов и, прежде всего, писателей. «Надо звать людей, старых и молодых, на огромный труд осознания прошедшего, тогда и пути в будущее

⁶² ХТС 9 / Новости самиздата. «Преступление и наказание». Вып. 3. Второй и третий выпуски журнала: АС 490 и АС 1025 // Собрание документов самиздата. Т. 7 и 22. Мюнхен: Samizdat Archive Association, 1973 – 1974. О выпусках журнала см.: <https://samizdat.library.utoronto.ca/content/prestuplenie-i-nakazanie>.

⁶³ Померанц Г. Нравственный облик исторической личности. Архив самиздата № 479-6 // Собрание документов самиздата. Т. 16. Мюнхен: Samizdat Archive Association, 1976.

⁶⁴ Померанц Г. Нравственный облик исторической личности. Архив самиздата № 479-6 // Собрание документов самиздата. Т. 16. Мюнхен: Samizdat Archive Association, 1976.

⁶⁵ Чуковская Л.К. Не казнь, но мысль, но слово...

⁶⁶ Там же. Стоит уточнить, что Л.К. Чуковская приводит не вполне точную цитату. Эти строки стихотворения М. Алигер «Несчетный счет минувших дней...» выглядят так: «..Вся жизнь моя – мой вечный счет, с лихвой, без скидок и без льгот, на круг, – назад и наперед, –оплачен и оплакан».

⁶⁷ Там же.

станут ясней». Однако до реальной гласности было далеко, и то правдивое слово, которое «важнее даже хлеба», подавлялось.

Чем же оплатить массовое организованное душевредительство, разврат пера, распутство слова? Казалось бы, если и можно, то только одним: полнотой, откровенностью правды. Но правда оборвана на полуслове, сталинское палачество вновь искусно прикрывается завесой тумана. Она плотнеет у нас на глазах⁶⁸.

Критическую роль историков в осознании и осуждении обществом сталинского прошлого признавал и Леонид Петровский. Он возражал тем западным коммунистам, которые полагали, что «историкам следует подождать, пока не будет завершена работа правосудия»⁶⁹.

Почему произвол культа личности должно расследовать правосудие, а историки должны подождать? <...> Но разве не остались в органах суда, прокуратуры и в органах госбезопасности те, кто участвовал в массовом произволе (вольно или невольно)? И почему мы должны положиться на их совести и ждать от них подсчета о правых и неправых судах, арестах, расстрелах и истязаниях? Именно перед судом истории должны предстать во всей полноте преступления Сталина и его оруженосцев! Это нужно сделать ради борьбы за коммунизм, который не признает лишних и напрасных жертв⁷⁰.

Официальные историки если и услышали этот призыв, то не могли ему следовать. И «белыми пятнами» прошлого занялись непрофессиональные исследователи, подпольные историки.

Подпольные исследования диссидентских историков

«К суду истории» Роя Медведева

Изначально диссидентский историк Рой Медведев назвал свое исследование «Перед судом истории», заменив впоследствии этот заголовок на менее претенциозный «К суду истории». Вступив в КПСС в 1957 году, после реабилитации своего отца (погибшего на Колыме), Медведев услышал призыв Хрущева заняться историей сталинизма и в 1962-м начал самостоятельно изучать эту тему. Мотивы, побудившие его заниматься столь острым вопросом, он изложил в предисловии рукописи⁷¹. С одной стороны, он руководствовался этическими соображениями, ибо «преступления Сталина были столь велики, что умолчать о них было бы также преступлением».

И вовсе не малодушие заставляет нас составить список преступлений, совершенных Сталиным и другими адептами культа личности. Этого требует в первую очередь уважение к памяти наших погибших отцов и братьев, сотен тысяч, миллионов людей нашей страны, которые стали жертвой произвола

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ *Палм Датт Р.* Проблемы современной истории. М., 1965. С. 46. Цит. по: *Петровский Л.П.* Открытое письмо в ЦК КПСС с критикой исторических публикаций, реабилитирующих Сталина, 05.03.1969. АС 130 // Собрание документов самиздата. Т. 2. Мюнхен: Samizdat Archive Association, 1972. С. 3.

⁷⁰ *Палм Датт Р.* Проблемы современной истории. М., 1965. С. 46. Цит. по: *Петровский Л.П.* Открытое письмо в ЦК КПСС с критикой исторических публикаций, реабилитирующих Сталина, 05.03.1969. С. 3.

⁷¹ Мы цитируем по версии рукописи «К суду истории» 1967 г. (Отдел хранения документов личных собраний Москвы (далее ОХДЛСМ). Ф. 333. Рой и Жорес Медведевы. Сдаточный опись (далее сд. оп.) 9, условное дело (далее – у.д.) 3).

и беззаконий, совершенных Сталиным. Ибо если мы не сумеем извлечь из этой трагедии всех необходимых уроков, то гибель целого поколения революционеров, а также миллионов других ни в чем не повинных людей останется в истории советского общества не более как бессмысленной катастрофой⁷².

С другой стороны, этические мотивы тесно переплетались с политическими. Искать смысл катастрофы и предотвратить ее повторение было необходимо для того, чтобы очистить советскую систему от прошлых извращений и придать ему новую легитимность.

В действительности беззакония Сталина нанесли в глазах миллионов людей заметный удар и по самой идее социализма. И наша задача состоит в том, чтобы, преодолев все последствия культа личности, вернуть этим людям идею социализма. И в первую очередь мы должны преодолеть в себе главное и наиболее опасное последствие культа личности – боязнь говорить правду⁷³.

Медведев не был профессиональным историком; кандидат педагогических наук, он с 1962 по 1971 год работал научным сотрудником в Академии педагогических наук СССР. Тем не менее он считал себя вправе заниматься историей в свое свободное время и искренне верил, что его исследование будет способствовать демократизации партии и преодолению последствий культа личности Сталина. Медведев действовал открыто, не скрываясь от глаз партии. Летом 1964 года по просьбе Юрия Андропова он прислал ему свою рукопись и встретился с ним⁷⁴. Однако свержение Хрущева существенно изменило положение историка:

Исторические исследования не преследовались тогда, в 1962 – 1964 гг. Я брал свой предмет для исследования шире, чем это было в печати, но все-таки я считал, что это идет в русле партийной политики. Я не считал себя диссидентом. Диссидентом <...> я стал считать себя после отставки Хрущева, когда я продолжил и даже расширил эти исследования. А официальная политическая позиция была остановить, прекратить, восстановить уважение к Сталину в нашей партии. <...> А я продолжал работать в прежнем направлении, поэтому меня можно было бы уже считать диссидентом с 1965 года. Моя линия и линия, по которой шла партия, они разошлись⁷⁵.

Не получив официального разрешения для исследовательской деятельности, Медведев не имел и доступа к архивам. Он мог работать на основе газетных и журнальных статей, появившихся в центральных и республиканских печатных органах во время оттепели и посвященных сталинским репрессиям. Очень важными источниками информации оказались устные и письменные свидетельства так называемых старых большевиков, членов КПСС с дореволюционным стажем или вступивших в партию во время революции или Гражданской войны и занимавших при Сталине высокие посты в партийных и государственных органах власти. Многие из них стали жертвами террора 1930-х, а среди тех, кто уцелел, антисталинские настроения не были редкостью. Пожалуй, самой заметной фигурой среди них был Алексей Снегов, отважно открывший глаза Хрущеву и Микояну на необходимость выступить перед XX съездом с раз-

⁷² Там же. С. 3.

⁷³ Там же. С. 12.

⁷⁴ Интервью автора с Р.А. Медведевым 19.06.2012. В то время Андропов работал в международном отделе ЦК КПСС, занимался вопросами отношений с Восточной Европой. По словам Медведева, единственное, что сказал Андропов, – «интересно». Доброжелательное отношение будущего председателя КГБ и Генерального секретаря партии Медведев испытывал и в дальнейшем. А впоследствии он узнал, что именно это обеспечило ему «особый режим» и даже спасло от ареста в 1983 году (см.: *Медведев Р.А. Политическая биография Юрия Андропова. М.: Права человека, 1999*).

⁷⁵ Интервью с Р.А. Медведевым, 19.06.2012.

облачением Сталина⁷⁶. Снегов, как и другие старые большевики, не только поделился воспоминаниями с Медведевым, но и читал и дополнял разные версии его рукописи. Историк вспоминал:

И метод работы был такой: я отвозил свою рукопись, например, старому большевику Снегову. Я просил его прочесть и просил его сделать добавления, замечания, пожелания. И после того, как он прочитывал, я приезжал к нему. Я был с магнитофоном <...>. Я с ним беседовал, он мне делал замечания, он делал добавления, чаще всего я записывал это. Потом я приходил домой и делал вставки в свою работу, я расширял. Каждые полгода я писал новый вариант. Люди, прочитавшие рукопись, видели, что это еще не окончательный вариант. Они сами многие хотели поделиться своими знаниями, своими соображениями. Каждый говорил мне, что он знал и что он хотел. Это мне заменяло архивные документы⁷⁷.

По мере расширения круга очевидцев Медведев все более отклонялся от официальной трактовки сталинского прошлого. В частности, он расширил хронологические рамки своего исследования: не сосредотачиваясь всецело на 1937 – 1938 годах, он стал рассматривать более ранние волны репрессий, в том числе направленные против внутрипартийных и социалистических оппозиций, а также те извращения, которые возникли в ходе коллективизации и индустриализации.

В 1966 – 1967 годах рукопись значительно разрослась, обогатившись сотнями свидетельств, мемуаров и самиздатских воспоминаний. Медведев познакомился с видными писателями, которые заинтересовались его работой и предложили ему свою помощь. Например, Александр Твардовский предоставил ему доступ к присланным в «Новый мир» и неопубликованным рукописям, а Константин Симонов открыл свой личный архив, содержащий большое количество переданных ему воспоминаний⁷⁸.

Но именно в то время официальный идеологический курс все более отклонялся от линии XX и XXII съездов, и перспектива публикации книги в Советском Союзе отдалялась. В сентябре 1967 года, после того как копия рукописи «К суду истории» была обнаружена во время обыска на квартире друга Медведева в Ленинграде, историка вызвали в Партийную контрольную комиссию (КПК) и потребовали предоставить новую версию его работы⁷⁹. Вместо того чтобы подчиниться этому требованию, Медведев решил обратиться напрямую к Михаилу Суслову, члену Политбюро, ответственному за идеологию, с просьбой принять его. И 13 октября состоялась встреча между Медведевым и Ф.Ф. Макаровым, помощником В. Степакова, заведующего Отделом агитации и пропаганды ЦК КПСС. Во время беседы Медведев выразил сожаление о том, что все его просьбы к ЦК по поводу предоставления доступа к архивам и спецхранам библиотек игнорировались. На вопросы о распространении его работы ученый ответил: «Если перечисленные выше отделы и службы ЦК отказались мне помочь, то я могу отклонить и требования о контроле за моей работой. Те ненормальности в ее обсуждении и распространении, которые имеют место, связаны в первую очередь с теми ненормальными условиями, в которых ведется эта работа»⁸⁰.

⁷⁶ См. свидетельство сына Микояна о роли Снегова: *Микоян С.* Историческая публицистика. Алексей Снегов в борьбе за «десталинизацию» // Вопросы истории. 2006. № 4. С. 69 – 84.

⁷⁷ Интервью с Р.А. Медведевым 19.06.2012.

⁷⁸ *Медведев Ж.А., Медведев Р.А.* 1925 – 2010. Из воспоминаний. М.: Права человека, 2010. С. 61 – 75; 101 – 138.

⁷⁹ ОХДЛСМ. Ф. 333. Сд. оп. 14. У.д. 31.

⁸⁰ Там же.

По итогам этой встречи Степаков написал Сулову отрицательный отзыв о рукописи Медведева, датированный 14 ноября 1967 года⁸¹. Знакомство с первыми главами книги показало, что автор готовит «политически вредный труд», который «от начала до конца является сплошным негативом». «Автор обвиняет Сталина <...>. Но за всем этим нельзя не видеть обвинений всей партии и ее руководству». Особенно проблематичным представлялось отношение историка к внутрипартийной оппозиции: согласно Степакову, Медведев «поет дифирамбы [Троцкому], Зиновьеву, Каменеву, Бухарину, Рыкову, Томскому и др.» – то есть нереабилитированным оппонентам Сталина. «Оценки и выводы, к которым приходит автор, носят тенденциозный, субъективистский характер, находятся в противоречии с исторической правдой». Озабоченный возможным распространением данной рукописи, Степаков предлагал «поручить московскому горкому КПСС заняться вопросами научной деятельности Р.А. Медведева <...> и вместе с тем рассмотреть вопрос о партийности автора»⁸².

30 ноября Медведева повторно вызывали в КПК, и он снова отказался отдать свою рукопись, во-первых, потому, что он уже предоставил ее ЦК КПСС, а во-вторых, в знак протеста против исключения А.М. Некрича из партии.

По вопросу о мотивах моей работы я сказал также, что этим делом, конечно, должны были бы заниматься такие, например, учреждения, как Институт марксизма-ленинизма. Однако этот институт в вопросах истории партии, как показывают многие последние публикации, продолжает заниматься фальсификацией <...>. Если государственные органы перестанут завтра выпекать хлеб, то этим делом займутся частные лица. Правда нужна людям не меньше, чем хлеб. И если выяснением правды не занимаются те, кому это положено по должности, то неизбежно появление на свет таких частных исследований, как мое⁸³.

С конца 1967 по май 1969 года Медведева неоднократно вызывали в Московский горком партии, где его делом занималась заведующая отделением школ. Однако значимые решения в отношении автора крамольной рукописи принимались на более высоком уровне. 4 августа 1968 года, получив «оперативным путем» последнюю версию книги «Перед судом истории», председатель КГБ Андропов обратил внимание ЦК КПСС на риск бесконтрольного распространения этой работы. При этом он отдавал предпочтение методу «нейтрализации» вместо репрессии и советовал: «...не исключать возможности привлечения МЕДВЕДЕВА к написанию работы по интересующему его периоду жизни нашего государства под соответствующим партийным контролем»⁸⁴.

Тем не менее в связи с вводом советских войск в Чехословакию репрессии против инакомыслящих усилились. И в «деле Медведева» также возобладал более суровый подход: 7 августа 1969 года Рой Медведев был исключен из КПСС районным комитетом партии за «убеждения, несовместимые с членством в партии» и «клевету на советский общественный и государственный строй»⁸⁵.

Несмотря на попытки обжаловать этот приговор, Медведев принял ситуацию и осенью 1969 года дал сигнал на Запад опубликовать отправленную им несколько месяцев назад рукопись «К суду истории». Книга вышла в США в конце 1971 года и пользовалась большим успехом не только у западных историков, но и у широкой публики. Весьма реальной угрозой ареста

⁸¹ Российский Государственный архив новейшей истории (далее: РГАНИ). Ф. 89. Оп. 17. Д. 49. Л. 92 – 95.

⁸² Там же.

⁸³ ОХДЛСМ. Ф. 333. Сд. оп. 14. У. д. 31.

⁸⁴ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 17. Д. 49. Л. 5 – 6.

⁸⁵ *Medvedev R. On Soviet dissent. Columbia University Press, 1980. P. 28 – 29.* Обвинение в клевете было снято после апелляции, в противном случае Медведев оказался бы под угрозой судебного преследования.

осенью 1971 года Медведев избежал, скрывшись на несколько месяцев в ожидании публикации, а пришедшая вскоре известность послужила ему самой эффективной формой защиты⁸⁶. Уволившись из Академии педагогических наук и получая заграничные гонорары, Медведев смог всецело посвятить себя историческим исследованиям и публицистике. Несмотря на большую активность в западной прессе, Роя Медведева не коснулись серьезные репрессии (в отличие от его брата-близнеца Жореса, который в 1970 году был помещен в психиатрическую больницу, а во время заграничной поездки в 1973-м лишен советского гражданства). До перестройки Р. Медведев опубликовал около двадцати книг по советской истории, политике и международным отношениям, переведенных на десятки языков.

«Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына

Одновременный выход в свет двух самых крупных диссидентских работ, посвященных белым пятнам советской истории, – «К суду истории» Роя Медведева и «Архипелага ГУЛАГ» Александра Солженицына – не следует рассматривать как случайность. Политическая и общественная обстановка, в частности прямой призыв к изучению до сих пор табуированных страниц прошлого, родившийся на самом верхнем уровне власти, в совокупности с продолжающимся параличом официальной исторической науки во многом определили возникновение таких неофициальных исследований. Неслучайно и то, что устным и письменным свидетельствам жертв сталинских репрессий уделено в них центральное место. Одинаково лишенные доступа к архивным документам, оба автора прибегали к самой очевидной альтернативе – к беседам с очевидцами. Эти рассказы не только раскрывали неизвестную до тех пор информацию, но и придавали исследованиям особую нравственную ценность, складываясь в коллективное свидетельство о прошлом. В предисловии к первому тому «Архипелага ГУЛАГ» Солженицын – сам бывший заключенный – отдавал должное рассказчикам:

Эту книгу непосильно было бы создать одному человеку. Кроме всего, что я вынес из Архипелага – шкурой своей, памятью, ухом и глазом, – материал для этой книги дали мне в рассказах, воспоминаниях и письмах <...>.

[Перечень из 227 имен]

Я не выражаю им здесь личной признательности: это наш общий дружный памятник всем замученным и убитым⁸⁷.

В свое время небывалая волна читательских откликов на «Один день Ивана Денисовича» (1962), конечно, польстила автору, но главное – эти письма легли в основу его самого прославленного произведения. Среди читателей повести было немало бывших заключенных, прошедших, как и ее герой, «семь кругов ада» ГУЛАГа. Многие из них призывали Солженицына создать всеохватывающий роман о тех временах. Бывший зэк из Латвии Ю.Т. Вайшнорас писал:

Хочется верить, что Вы, тов[арищ] Солженицын, с такой наблюдательностью, с такой художественной зрелостью вошедший в советскую литературу, расширивший тематические рамки советской литературы, не отложите перо, а продолжите успешно начатую литературную работу. Хочется

⁸⁶ Довольно колоритный рассказ об этих событиях можно прочитать в мемуарах его брата, Жореса Медведева, «Опасная профессия»: *Медведев Ж.* Новое направление исследований, новые книги... и прощание с редактором «Нового мира» // *Еженедельник 2000.* № 20 (606). 18 – 24 мая 2012. http://www.2000.ua/specproekty_ru/opasnaja-professija/glavy-iz-knigi-opasnaja-professija/novoe-napravlenie-issledovanij-novye-knigi-i-proschanie-s-redaktorom-novogo-mira_arhiv_art.htm.

⁸⁷ *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ 1918 – 1956. Опыт художественного исследования. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. Т. 1. С. 10.

верить, что повесть «Один день Ивана Денисовича» – только начало большой творческой работы.

Этого просят, этого желают бывшие друзья Ивана Денисовича. А надо сказать, что многие из них стоят того, чтобы про них написали. <...>

Вы, тов[арищ] Солженицын, уже положили начало. Вы показали себя наблюдательным художником, умеющим владеть словом, поэтому друзья Ивана Денисовича были бы благодарны Вам, если бы Вы и дальше продолжали работу и еще глубже и всесторонней отразили жизнь бывших «зэков», еще шире показали черты их характера⁸⁸.

Эти надежды читателей оправдались с появлением на свет «Архипелага ГУЛАГ». Солженицын начал писать его уже в 1958 году, однако произведение такого масштаба казалось непосильным:

Эту книгу писать бы не мне одному, а раздать бы главы знающим людям на редакционном совете, друг другу помогая, выправить всю.

Но время тому не пришло. <...>

Уж я начинал эту книгу, я и бросал ее. Никак я не мог понять: нужно или нет, чтоб я один такую написал? И насколько я это выдюжу? Но когда вдобавок к уже собранному скрестились на мне еще многие арестантские письма со всей страны, – понял я, что раз дано это все мне, значит, я и должен⁸⁹.

Солженицын не был историком и не претендовал на такую роль: «Я не дерзну писать историю Архипелага: мне не довелось читать документы»⁹⁰. Однако автор имел ценный для художника пера личный опыт описанного им мира, и, «почти полюбив» его, он надеялся суметь донести до читателей суть этого чудовищного исторического явления⁹¹.

Будучи писателем, Солженицын не чувствовал себя связанным историческими научными стандартами. Он определил жанр своего произведения как «опыт художественного исследования». «Это такое использование фактического (не преобразованного) жизненного материала, чтобы из отдельных фактов, фрагментов, соединенных, однако, возможностями художника, – общая мысль выступала бы с полной доказательностью, никак не слабей, чем в исследовании научном»⁹². В одном ряду с историческими главами, написанными на основе документов и вторичных источников, стояли и главы в жанре «устной истории», иногда даже с антропологическим подходом, а также автобиографические сегменты.

В отличие от Медведева Солженицын не ограничивался сухим научным стилем, а, наоборот, обильно пользовался иронией и всеми доступными риторическими приемами, чтобы донести свою мысль до читателя с максимальной эффективностью. Объективность, беспристрастность и аполитичность не были первостепенными заботами писателя, так же как и многих других диссидентов. «Объективное отношение к палачу – тоже факт нравственной патологии», – писали Якир, Габай и Ким в 1968 году⁹³. Официальная история не была ни объективной, ни аполитичной, следовательно, альтернативные контр истории чаще всего следовали по той же схеме, только в обратном направлении.

⁸⁸ Тюрина Г.А. «Дорогой Иван Денисович!.. Письма читателей 1962 – 1964. М.: Русский путь, 2012. С. 201, 205.

⁸⁹ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918 – 1956. Т. 3. С. 498.

⁹⁰ Там же. Т. 1. С. 8.

⁹¹ Там же.

⁹² Элизабет Маркштайн цитирует интервью А. Солженицына 1977 года с Н.А. Струве. Маркштайн Э. О повествовательной структуре «Архипелага ГУЛАГ» // Филологические записки. Воронеж, 1993. Вып. 1. С. 91.

⁹³ Габай И.Я., Ким Ю.Ч., Якир П.И. Открытое письмо «К деятелям науки, культуры и искусства».

Евгения Иванова⁹⁴ объяснила уникальный жанр «Архипелага ГУЛАГ» особенными обстоятельствами его появления. Согласно ее концепции, история обычно складывалась в ходе нескольких исторически разграниченных этапов. Сначала она существовала в виде преданий, закрепленных в летописях; потом историки, критически изучив и сопоставив разные источники, писали научные труды; и, наконец, писатели и публицисты доносили эту историю в упрощенном виде до широкой публики, иногда используя ее в своих собственных целях.

Но в силу исторических обстоятельств Солженицын все эти роли применительно к истории ГУЛАГа исполнил один. <...> Время и исключительная историческая миссия этой книги позволили соединиться воедино жанрам, которые обычно существуют в культуре порознь, и соединиться в новом для литературы жанре, который мы бы назвали историческим свидетельством, обвинительной речью на суде истории и публицистическим обращением *urbi et orbi* от лица безмолвно сошедших в могилу жертв. И хотя отдельные смысловые части этого повествования имеют разную жанровую природу, все вместе они доносят единую правду – правду свидетельства⁹⁵.

Однако донести эту правду широкой советской публике в то время было невозможно. Брежневское руководство видело в Солженицыне прежде всего символ хрущевской десталинизации, и отделить свою литературную судьбу в Советском Союзе от отвергнутой идеологической линии писателю оказалось не под силу, даже несмотря на молниеносно приобретенную популярность. Все усилия Твардовского, пытавшегося опубликовать «Раковый корпус» и «В круге первом», пропали даром, и постепенно автор этих романов лишился всякого доступа к печати. Да и сам «Новый мир» все чаще подвергался критике на высоком уровне. В сентябре 1965 года, спустя несколько дней после ареста Андрея Синявского КГБ «арестовал» четыре экземпляра рукописи романа «В круге первом», оставленных Солженицыным на квартире у знакомых на хранение. Понимая безысходность своего положения, писатель решил обойти цензуру, распространив свои неопубликованные произведения через самиздат и тамиздат. Уже в 1964 году, после свержения Хрущева, он переправил за железный занавес по секретным каналам микрофильм «Круга...», а организовать распространение «Ракового корпуса» в СССР решил сам (затем он публично опротестовал неавторизованную публикацию последнего на Западе).

В 1967 году, когда в Политбюро уже обсуждался вопрос об исключении Солженицына из Союза советских писателей (ССП)⁹⁶, он нанес небывалый символический удар по цензуре, написав открытое «Письмо IV Всесоюзному съезду Союза советских писателей». В нем Солженицын «просил делегатов обсудить произвол литературно неграмотных людей над писателями <...> требовал – упразднить цензуру над художественными произведениями. Обвинял Союз Писателей, что он защищает своих членов <...> а часто выступает первым среди гонителей»⁹⁷. Также автор письма обратил внимание съезда на те «запреты и преследования», которым подвергался сам. Подготовив 250 копий письма, Солженицын разослал его «подлинным писателям» среди делегатов, и около сотни адресатов потребовали – правда, безуспешно – обсудить письмо на съезде⁹⁸.

⁹⁴ Иванова Е. Предание и факт в судьбе «Архипелага ГУЛАГ» // Между двумя юбилеями (1998 – 2003). Писатели, критики, литературоведы о творчестве А.И. Солженицына / Сост. Н.А. Струве, В.А. Москвин. М.: Русский путь, 2005. С. 449 – 457.

⁹⁵ Там же. С. 451 – 452.

⁹⁶ Сараскина Л.И. Александр Солженицын. М.: Молодая Гвардия, 2008. С. 581.

⁹⁷ Иванова Е. Предание и факт в судьбе «Архипелага ГУЛАГ». С. 583 – 584.

⁹⁸ Там же. С. 584 – 586.

Благодаря публикации на Западе этого письма и романов Солженицын приобрел всемирную известность. В 1970 году ему присудили Нобелевскую премию по литературе с формулировкой «за нравственную силу, с которой он продолжил извечную традицию русской литературы»⁹⁹. На родине же писателя исключили из ССП (в декабре 1969 года), а после присуждения премии он стал объектом клеветнической кампании в прессе.

Однако Солженицын прятал главный козырь – рукопись «Архипелага ГУЛАГ». Законченное в 1968 году исследование в глубокой тайне готовилось к публикации в США, но намеренно задерживалось автором. Во-первых, он знал, что после взрыва, который непременно вызовет эта политическая бомба, он едва ли сможет продолжать работать в СССР. А рискнуть судьбой своего главного литературного произведения – многотомного романа о Первой мировой войне и революции «Красное колесо» – Солженицын не мог: для работы ему требовались источники, которые бы он едва ли нашел за границей. Да и кто знал, какая судьба ожидает автора крамольного произведения? Во-вторых, преждевременное обнародование «Архипелага...» угрожало сотням свидетелей, чьи имена, хотя и не полностью раскрывались в книге, могли быть идентифицированы.

Окончательное решение о публикации «Архипелага...» было принято под воздействием непредвиденных и трагических обстоятельств. В конце августа 1973 года Елизавету Вороньянскую, верную помощницу Солженицына, арестовали. Пожилая женщина, напечатавшая раннюю версию «Архипелага...» на машинке и тайно сохранившая экземпляр рукописи, не выдержала пятидневного допроса и открыла следователям местонахождение тайника. А по возвращении домой повесилась. Узнав о гибели Вороньянской 5 сентября, Солженицын сразу дал сигнал на Запад. И 28 декабря 1973 года парижское издательство «ИМКА-Пресс» выпустило первый том русского издания «Архипелага ГУЛАГ».

Начался последний бой в затяжной войне между Солженицыным и советским режимом. В январе 1974 года вся мировая печать восхищалась мужеством писателя-диссидента, а в советской прессе началось поношение «литературного власовца» и «отщепенца». В «Правде» писали:

В последние дни буржуазная печать развернула антисоветскую шумиху в связи с публикацией на Западе очередного клеветнического сочинения А. Солженицына под названием «Архипелаг ГУЛАГ». <...>

Книгу эту, замаскированную под документальность, можно было бы назвать плодом больного воображения, если бы она не была начинена циничной фальсификацией, состряпанной в угоду силам империалистической реакции¹⁰⁰.

Судьба Солженицына решилась: 12 февраля он был арестован, а 13-го выслан в ФРГ. На следующий день в самиздате стал распространяться его обращенный к интеллигенции манифест «Жить не по лжи».

И здесь-то лежит пренебрегаемый нами, самый простой, самый доступный ключ к нашему освобождению: личное неучастие во лжи! Пусть ложь все покрыла, пусть ложь всем владеет, но в самом малом упрямся: пусть владеет не через меня!

И это – прорез во мнимом кольце нашего бездействия! – самый легкий для нас и самый разрушительный для лжи. Ибо когда люди отшатываются ото

⁹⁹ Там же. С. 639.

¹⁰⁰ Соловьев И. Путь предательства // Правда. 14.01.1973.

лжи – она просто перестает существовать. Как зараза, она может существовать только на людях¹⁰¹.

Заключение: Появление исторических сборников «Память» в контексте диссидентской историографии

Из вышеизложенного следует, что появление в 1975 году исторического сборника «Память» было подготовлено рядом политических и общественных обстоятельств и, главным образом, диссидентскими экспериментами по «восстановлению исторической правды». За свержением Хрущева, положившим конец литературной оттепели и политике десталинизации, последовал поворот к консерватизму и частичной реабилитации Сталина. Общественная реакция либеральной интеллигенции приняла форму открытых – индивидуальных и коллективных – письменных протестов, адресованных советскому правительству. А последовавшее усиление преследований инакомыслящих привело к тому, что открытые антисталинские выступления постепенно сложились в более целостное движение за защиту гражданских прав, со своими ценностями и методами борьбы. Одной из центральных моральных ценностей диссидентов было стремление «жить не по лжи», в формулировке Солженицына. Относительно прошлого это подразумевало императив восстановления правды (в значении не только «истины», но и «справедливости») о прошлых преступлениях режима, а в отношении к настоящему – требование к власти уважать свои собственные законы и отстаивание гласности.

Тогда же внутри диссидентского движения наметился альтернативный подход к гласности в отношении к прошлому. Некоторые участники движения, например А. Солженицын или Р. Медведев, решили бороться с брежневским идеологическим курсом, исследуя такие запретные темы, как история сталинских репрессий и ГУЛАГа. Причем опровержение лжи официальной истории означало для них не только восполнение пробелов, но и предложение собственного, альтернативного прочтения прошлого.

В качестве реакции на такую повторную политизацию исторической науки и появился сборник «Память». Чем отличался этот проект от предыдущих? Во-первых, члены неформальной редколлегии принадлежали к молодому поколению, выросшему в послевоенные годы. В отличие от «поколения оттепели» они испытывали к коммунистической идеологии равнодушие, а то и враждебность. Если диссиденты поколения Р. Медведева отошли от конформизма в результате долгого созревания и пересмотра прежних убеждений, то Арсений Рогинский и его друзья выросли уже в новой политической обстановке. Для них самиздат и тамиздат, жизнь вне официальных рамок были не ценными завоеваниями, а естественной данностью. Отличались создатели «Памяти» и от своих сверстников-конформистов: они, например, не считали членство в комсомоле или участие в советских ритуалах для себя обязательными¹⁰²

¹⁰¹ Солженицын А.И. Жить не по лжи. 12 февраля 1974 г. Самиздат. http://www.solzhenitsyn.ru/proizvedeniya/publizistika/stati_i_rechi/v_sovetskom_soyuze/jzit_ne_po_lji.pdf.

¹⁰² О «последнем советском поколении» и о его нормах поведения и общения написал Алексей Юрчак (*Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.